

Обращение председателя ОВЦС митрополита Волоколамского Илариона к 50-м Международном евхаристическом конгрессе «Евхаристия – сопричастность Христу и друг другу». Дублин, 11 июня 2012 года

Ваши Высокопреосвященства, Преосвященства,
дорогие отцы, братья и сестры!

Благодарю оргкомитет юбилейного 50-го Евхаристического конгресса и лично архиепископа Дублинского Диармуида Мартина за приглашение к участию и предоставленную возможность выступить на этом авторитетном христианском форуме.

Речь в эти дни идет о Евхаристии – важнейшем и основополагающем таинстве Церкви, об актуализации нашей сопричастности Христу в мире сем. Мне хотелось бы поделиться с вами некоторыми мыслями и переживаниями, свойственными восточно-христианскому, православному евхаристическому благочестию и богословию. При этом следует отметить, что богословие непосредственным образом определяет нашу оценку современной действительности, ее проблем и вызовов, о чем бы я также хотел сказать в своем выступлении.

В Древней Церкви крещение, принятие в Церковь новых членов, совершалось за Божественной литургией. Тем самым утверждалось, что таинства Церкви имеют евхаристическую природу, совершение их является соборным делом христианской общины, для которой все есть *λεϊτουργία* – общее делание с участием всех ее членов, а не только священнослужителей.

Евхаристия завершает, знаменует собой полноту вступления новокрещенных членов в Церковь. Весьма показательно, что Крещение в раннехристианские времена совершалось по преимуществу в Великую Субботу, за богослужением, предваряющим пасхальную литургию. Новокрещенные в белых одеждах шли крестным ходом от купели в храм под пение гимна «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь» (Гал. 3, 27), чтобы впервые принять участие в Евхаристии и причаститься Святых Христовых Тайн. Принятие новых членов Церкви в полноту евхаристического общения неслучайно совершалось на Пасху: в день обновления всего творения совершается и обновление всей Церкви. Ecclesia, Церковь по самой своей сути есть сила воскресения, таинство Воскресшего, Который делает нас сопричастниками вечной жизни. Недаром святитель Иоанн Златоуст и многие другие христианские авторы уподобляют возникновение Церкви рождению Евы. Церковь Христова, Тело и Невеста Нового Адама, рождается из пронзенного бока Спасителя, из которого истекают вода и кровь (Ин. 19, 34): вода Крещения, кровь Евхаристии, животворящие и соединяющие членов Церкви друг с другом. Поистине соединение со Христом в Евхаристии больше встречи с Ним в молитве, ибо через нее совершается сущностное общение (*communio, κοινωνία*) с Небесным Главой Церкви, наши бранные тела становятся Его членами, наши мысли и чувства – Его мыслями и чувствами, вся наша жизнь во всех ее измерениях наполняется жизнью божественной, преображаясь «силою и действием и

найтием Святого Духа».

«Богословие надо пить со дна евхаристической Чаши», – говорил русский богослов протоиерей Сергей Булгаков. Это означает, что в таинстве Святого Причастия – этом источнике богообщения, доступном каждому верующему христианину, обретается источник и фундамент не только богословствования, но и его высшей формы – богомыслия, которое, вопреки распространенному мнению, доступно не только подвижникам и аскетам, но и всем верным. Евхаристия, таким образом, является для нас не только дверью в Царство Небесное, но и лестницей, по которой Царство Божие приходит к нам «*в силе*» (Мк. 9, 1). Оно преображает наше земное естество, изменяет наши сердца, направляя их к горнему миру.

В анафоре святителя Василия Великого есть такие слова: «Нас же всех, от единого хлеба и чаши причащающихся, соедини друг ко другу, во единого Духа Святого причастие». Как часто в повседневной церковной жизни мы недооцениваем значимость этих слов, сводя Евхаристию – таинство Небесного Царствия – к средству стяжания «личной благодати»! А ведь именно в Евхаристии Церковь Божия являет себя как живая община, как сообщество верных, объединенных под Единым Главой – Христом. И если во время литургии мы молимся среди неизвестных нам людей, они не являются для нас чужими, напротив, даже если мы лично с ними не знакомы, мы связаны с ними в Едином Телес Христовом, которое есть Церковь Божия.

Необходимо вновь и вновь открывать изначальное церковное измерение таинства Благодарения, не уменьшая при этом полноту его благодатного воздействия на каждого из участников лично. Однако индивидуальный аспект Евхаристии ни в коем случае не должен закрывать собой общинный характер, самосозидание Церкви в этом *Таинстве таинств*. Евхаристия немислима без участия церковной общины, поэтому канонические правила Православной Церкви не позволяют епископу или священнику совершать литургию единолично, если рядом нет других молящихся людей. Этим подчеркивается, что Евхаристия прежде всего является не средством индивидуального освящения, а таинством Церкви, в котором Дух Святой соединяет всех верных «друг ко другу» в единое Тело Христово.

С количественным ростом Церкви крещение постепенно стало сводиться к частной требе, к явлению церковной жизни, которое на Западе получило название *casualia*. Разумеется, это оказало не самое благотворное влияние на самосознание христиан. Русские богословы XX века усматривали причины общего кризиса европейского христианства и религиозного сознания как такового в том, что у христиан изменилось восприятие церковных таинств и самой природы Церкви. Постепенно под влиянием рационализма таинства перестали восприниматься как событие в жизни церковной общины, к ним стали относиться как к частному делу. В этой парадигме отношение к Богу становится потребительским, религия начинает восприниматься как средство решения личных нужд и проблем.

У нас вызывает обоснованную обеспокоенность то, что современный мир отдаляется от Христа, что Европа постепенно отказывается от своих христианских корней. Бесспорно, этому разрушительному процессу сопутствует множество других негативных социальных факторов: крайний индивидуализм, культ потребления и удовольствий, атомизация общества, враждебное отношение к традиционным ценностям. Но мы не должны думать, что эти процессы развиваются сами по себе, а потому мы, христиане, не несем за это ответственность. Напротив, это происходит как следствие охлаждения нашей веры. Ослабление живой веры привело к сдвигам в общественном сознании. Прежде всего, к тому, что Хайдеггер назвал «редукцией Бога до понятия ценности». Бог для современных европейцев перестал быть живым и любящим Отцом, поэтому мыслители нового времени сначала низвели Его до умпостигаемого объекта, *Raison d'être*, нравственного чувства, категорического императива, то есть характеристик, имеющих пока еще

некое положительное значение, но затем произошло полное отрицание, выразившееся в концепции «смерти Бога». В языке современного человека словом «бог» может обозначаться все что угодно, вплоть до внутренней психологической сущности человека.

На смену «смерти Бога» пришла эпоха туманных псевдотеологических концептов, призванных служить удовлетворению «индивидуальных потребностей человека». «Убив» Бога, отрекшаяся от Него цивилизация сделала попытку Его «реанимировать», однако уже в принципиально иной форме. Для утверждения господствующего культа потребления и наслаждений ей требуется безличный и нравственно индифферентный бог, лишенный всякой связи с библейским Откровением. Новое мировоззрение направлено на разложение общества, в котором отдельных индивидуумов по сути ничто уже не будет связывать друг с другом, в котором с подозрением будет восприниматься любая попытка возрождения традиционных форм социальной общности. Фантом нового религиозного сознания сегодня становится объектом рыночной эксплуатации. Однако эта новая форма религиозности никогда не сможет стать подлинной религией, поскольку лишена положительного содержания, того созидательного начала, которое отличает любую подлинную религию от суррогатов.

Новая потребительская религиозность соответствует законам рыночного спроса, она нейтральна в нравственном отношении. Если взглянуть на окружающую действительность, мы увидим, что этот тип религиозности предлагается повсюду, нередко он проникает даже в христианство, разрушает вековые устои, деформирует догматическое и нравственное учение, прикрываясь заботой о человеке.

Сталкиваясь с подобными вызовами и угрозами, мы, христиане, должны, в первую очередь, признать долю своей вины в создавшемся положении. Оно не безнадежно, но от нас требуется духовная сила и решимость противостоять дальнейшему разложению европейской культуры. Именно культура, возникшая на христианской почве, сегодня становится полем битвы с теми силами, которые стремятся стереть все то положительное, что принесло миру христианство, чтобы расчистить дорогу для манипуляции массовым сознанием в погоне за властью, влиянием, сверхприбылью. Социальные явления, лишенные внутреннего положительного содержания, обречены на самоуничтожение в процессе внутренней имплозии. То, что основано на традиционной нравственности, пребывает вовек. Именно поэтому христианство без оружия в свое время покорило всю ойкумену, явило жизнеспособность по сравнению с языческой псевдонравственностью, лишенной созидательного импульса. Это совершилось благодаря усилиям тысяч подвижников веры, готовых к самопожертвованию за проповеданные ими идеалы. Едва ли кто согласится принести себя в жертву на алтарь всеобщего консюмеризма, внутри которого пустота, который замкнут в самом себе и выглядит привлекательным лишь внешне.

Крещение и Евхаристия в их взаимной связи позволяют нам глубже постичь соборность Церкви, ощутить подлинный смысл социальной общности, которая основана не на лицепрятости, а на милосердном служении ближнему, оказавшемуся в нужде. В Евхаристии христиане обретают свою идентичность народа Божия, примиренного с Богом человечества: *«Вы - род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел ... некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы»* (1 Пет. 2, 9-10).

И в этом мы обретаем источник колоссальных сил, способных противостоять разложению личности и общества, совершаемому «миром сим». Сегодня именно культура становится полем битвы разрушительного и созидательного начал. И слова святого Павла: *«Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной»* (Еф. 6, 12) приобретают в этом контексте особую актуальность. В противостоянии действию меонических энергий «мироправителей века сего», сартровского

Ничто (Nothingness, Néant), нам дано принципиально иное по характеру и силе оружие – созидательный позитивный импульс, который мы черпаем в таинстве Евхаристии, жизнь «с избытком» (Ин.10, 10), которую дает миру Воскресший Христос.

Церковь послана Спасителем в мир и не может самоустраниться от своей апостольской миссии, уподобиться соли, потерявшей силу (Лк. 14, 34). Не наступил ли упадок Европы вследствие утраты христианами соли, то есть того позитивного созидательного импульса, в течение веков создававшего европейскую культуру? Современная культура, лишенная этого мощного и действенного наполнения, веками питавшего ее, становится самодостаточной замкнутой системой, обреченной на стагнацию в процессе духовной энтропии. А между тем культура не может быть самодостаточной, поскольку она является продуктом деятельности человеческого духа, который может угасать, от чего нас предостерегает Слово Божие: «духа не угашайте» (1 Фес. 5, 19).

Сегодня, как и прежде, к нам обращено увещание апостола Павла: «Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому» (Кол. 4, 6). Божественная жизнь, которую дает нам Христос в таинстве Благодарения, и есть эта соль. Вкус этой соли отличает христиан от «сынов века сего», новое творение от ветхой твари, которая, сопротивляясь, пытается помешать новому. Наша борьба – с энергиями небытия, смерти и ада, которые победил наш Божественный Учитель Своим сошествием в преисподняя земли. Как говорит святитель Иоанн Златоуст в Огласительном слове на Пасху, «огорчился ад, ибо упразднен! Огорчился, ибо осмеян! Огорчился, ибо умерщвлен! Огорчился, ибо низложен! Огорчился, ибо связан! Взял тело, а прикоснулся Бога; принял землю, а нашел в нем небо; взял то, что видел, а подвергся тому, чего не ожидал!».

Диавол и ад уже побеждены Христом, Его победа – наше достояние: «Сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5, 4). Пусть наша вера в воскресшего из мертвых и даровавшего нам вечную жизнь Господа Иисуса, которой мы приобщаемся в крещении и в полноте получаем в Евхаристии, сделается и для нас победой над силами ада и смерти, время которых прошло, ибо «жизнь жительствоует»!